

УДК 347.736
ББК 67.404.013

Tsvetkov Sergey Borisovich,
candidate of legal sciences, associate professor
of the department of civil law disciplines
of Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Volgograd,
e-mail: tsvetkov.1954@mail.ru

Цветков Сергей Борисович,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Волгоградской академии МВД России,
г. Волгоград,
e-mail: tsvetkov.1954@mail.ru

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ): ЦЕЛИ, ПРОБЛЕМЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ И СОРАЗМЕРНОСТИ

RESTRICTION OF THE RIGHTS OF PARTICIPANTS OF THE COMPETITIVE RELATIONS IN THE RUSSIAN LEGISLATION ON INSOLVENCY (BANKRUPTCY): GOALS, ISSUES OF FAIRNESS AND PROPORTIONALITY

На основании анализа положений действующего законодательства формулируется принцип допустимости ограничения субъективных прав, устанавливаются и классифицируются цели такого ограничения в аспекте переплетения публичных и частных интересов. Исследуются понятия справедливости, соразмерности и пропорциональности ограничения прав в целом как общеправовые категории, а далее, в частности, прав конкурсных кредиторов, уполномоченных органов и должника в двух значениях: как потенциальные принципы законодательства о несостоятельности (банкротстве) и как актуальные проблемы его правоприменения и толкования. Указанные категории рассматриваются с учетом требования юридически равной защищенности прав и законных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, на его различных этапах.

Based on the analysis of the current legislation provisions, the principle of admissibility of subjective rights limiting is formulated; the goals of such limiting are established and classified in terms of interaction of public and private interests. The notions of fairness, proportionality of the rights restrictions in general as the common legal categories, and further, in particular, the rights of competitive creditors, authorized powers and debtor in two meanings: as potential principles of legislation on insolvency (bankruptcy), as well as the urgent issues of its enforcement and interpretation. The specified categories are examined with regard to the requirements of the legally equal protection of rights and legal interests of persons involved in the case of bankruptcy at its different stages.

Ключевые слова: ограничения прав, цели ограничения прав, публичные и частные интересы, законодательство о несостоятельности (банкротстве), принципы, участники конкурсных отношений, справедливость, соразмерность, пропорциональность, конфликт интересов, признание должника банкротом, удовлетворение требований кредиторов.

Keywords: limitations of rights, goal of the rights restriction, public and private interests, legislation on insolvency (bankruptcy), principles, participants of competitive relations, justice, proportionality, proportionality, conflict of interest, bankruptcy notice, meeting requirements of creditors.

Исследование проблемы справедливости и соразмерно-

сти ограничения прав участников отношений, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством) должника, занимает определенное место в научных исследованиях ученых. При этом они опираются прежде всего на решения Конституционного Суда Российской Федерации, из чего делают вывод о наличии соответствующего конституционного принципа. Вместе с тем на сегодняшний день ни в Конституции Российской Федерации, ни в законодательстве о несостоятельности (банкротстве) данный принцип текстуально не закреплен. В условиях динамики указанной отрасли законодательства, содержание которой свидетельствует о противоречии интересов участников конкурсных отношений, очевидна актуальность темы статьи и целесообразность ее дальнейшей разработки. **Целью** работы является исследование правового статуса кредиторов и должника в аспекте установленных законом правовых ограничений. Для достижения поставленной цели автор формулирует следующие **задачи**: 1) сформулировать принцип допустимости ограничения субъективных прав и определить цели, обуславливающие ограничение; 2) высказать авторскую позицию по применяемому в литературе термину «институт несостоятельности (банкротства)»; 3) исследовать понятия справедливости, соразмерности и пропорциональности в семантическом и правовом значениях; 4) рассмотреть содержание данных понятий применительно к ограничению прав конкурсных кредиторов, уполномоченных органов и должника; 5) внести предложение по совершенствованию законодательства о несостоятельности (банкротстве) в плане закрепления принципа соразмерности и справедливости ограничения прав указанных лиц.

Не подлежит сомнению, что лицо совершает то или иное действие для того, чтобы достичь определенного результата. Цель выступает причиной действия, «представлением о будущем, которое воля предполагает осуществить» [1, с. 22].

Вместе с тем общепризнано, что в обычном гражданском обороте цель того или иного правомерного действия, как правило, юридически безразлична, но, когда возникает вопрос об ограничении прав, цель становится актуальной. Такое ограничение зачастую обусловлено тем, что цели частной жизни достигаются лишь с помощью вмешательства в сферу чужих интересов.

По справедливому заключению С. А. Карелиной, основанному на выводах С. С. Алексева, В. П. Грибанова, Ф. Н. Фаткулина, при определении понятия и сущности правового огра-

ничения, во-первых, необходимо исходить из объема правового регулирования, определяемого путем установления границ, пределов реализации субъектами своих прав и обязанностей, во-вторых, содержание ограничений обусловлено установлением соответствующего правового режима, характеризующегося совокупностью определенных обязываний, запретов и дозволений [2].

Как известно, принцип допустимости ограничения субъективных прав закреплен на международном, конституционном и отраслевом (в частности, гражданско-правовом) уровнях соответственно в ст. 18 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950), п. 3 ст. 55 Конституции РФ и п. 2 ст. 1 ГК РФ. При этом необходимость таких ограничений должна быть обусловлена целями, указанными в данных актах.

Так, ст. 18 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод гласит: «Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены» [3]. Цели, указанные в Конвенции, носят публичный характер.

Пункт 3 ст. 55 Конституции РФ устанавливает: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Аналогичная норма, регламентирующая возможность ограничения гражданских прав, содержится в ч. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ.

Исчерпывающий перечень целей можно классифицировать на три очевидные группы.

Первая — защита основ конституционного строя.

Вторая — необходимость введения законодательных ограничений прав обусловлена признанием важности таких общественных (публичных) интересов, как нравственность, здоровье населения, обеспечение обороны страны и безопасности государства.

Третья — необходимость введения законодательных ограничений прав обусловлена признанием частных интересов: здоровье конкретного гражданина, права и законные интересы других лиц.

Поверхностная характеристика целей, перечисленных в указанных российских актах, может привести к выводу о возможности их разграничения на частные и публичные. На самом деле мы имеем дело с переплетением публичных и частных интересов.

Например, что означает «защита основ конституционного строя»? Очевидно, здесь налицо публичный интерес, достигаемый действиями определенных лиц, осуществляемыми способами, установленными государством. Вместе с тем учитываются права и законные интересы конкретного лица (применительно к экономическим отношениям — ст. 7—9 Конституции РФ), которое занимает определенное положение в окружающем мире. То же относится и к защите нравственности (как к внутренней установке человека и как к внешним требованиям к поведению индивида), здоровья (каждого гражданина и населения в целом), прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (следовательно, и жизни каждого гражданина). Это в определенной степени объясняет сложившуюся тенденцию развития современного законодательства на основе усиления публичных начал в частном праве.

Такое же взаимодействие публичных и частных интересов

наблюдается и при исследовании проблемы ограничения прав участников конкурсных отношений. Принимая во внимание наличие их разных, чаще всего противоположных интересов, законодатель должен гарантировать баланс прав лиц, участвующих в деле о банкротстве. Это выступает публично-правовой целью законодательства о несостоятельности, направленной которого является регламентация взаимосвязанных частных (горизонтальных) и публичных (вертикальных) отношений, возникающих в связи с неплатежеспособностью лица.

С. А. Карелина делает заключение, согласно которому применительно к законодательству о несостоятельности (банкротстве) ограничение прав должно отвечать требованиям справедливости, быть адекватным, пропорциональным и соразмерным [2]. Актуальность этой позиции очевидна: в процедурах, применяемых в деле о банкротстве, гражданские права осуществляются с ограничениями, установленными законом.

По мнению автора, необходимо остановиться на основных началах, на которых строится конкурсное законодательство. С. А. Карелина формулирует следующее определение: «...под принципами института несостоятельности (банкротства) следует понимать исходные положения, основные начала института несостоятельности (банкротства), отражающие его объективный характер, выражающие его сущность и содержание, а также закономерности развития соответствующих отношений, на основе которых строятся нормативная база и правоприменение» [Там же]. Она же среди отраслевых принципов выделяет, в частности: оптимальное сочетание частноправовых и публично-правовых интересов; принцип всеобщности, пропорциональности и соразмерности удовлетворения требований кредиторов [Там же].

В связи с изложенным необходимо, очевидно, выразить свою точку зрения. Несостоятельность (банкротство) — это не правовой институт, не институт права и не комплексная отрасль права [Там же] (таких не существует в принципе), а комплексная отрасль законодательства, содержащая нормы различных отраслей права. Поэтому точнее следует определяться с принципами законодательства о несостоятельности (банкротстве).

Отметим, что справедливость, соразмерность, пропорциональность сформулированы в качестве конституционного принципа в правовых позициях Конституционного Суда РФ [4] и научной литературе [5], то есть налицо официальное и доктринальное толкование текста Основного закона, но не закрепление этого положения в качестве принципа в законодательстве. Поэтому справедливым, очевидно, является предложение В. А. Черепанова: «Назрела необходимость законодательного закрепления принципа соразмерности (пропорциональности) ограничения права конституционно закрепленным целям и запрета на вторжение в существо права как базовых требований при принятии федеральных законов» [6]. При этом в отдельных федеральных законах не повторять стандартный набор конституционно закрепленных целей ограничений (как это выполнено, например, в ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности», ч. 3 ст. 1 Жилищного кодекса РФ.), а конкретно указывать их возможное проявление в той или иной сфере общественных отношений. Как отметил Г. А. Гаджиев, «...апеллировать к эфемерным публичным интересам с целью оправдания ограничений прав законодатель вправе при наличии как минимум доказательств необходимости, адекватности и достаточности этих ограничений» [7].

Отмеченное С. А. Карелиной как отраслевые принципы, на которых строится законодательство о несостоятельности

(банкротстве), не нашло своего отражения ни в одной статье того или иного закона, что, безусловно, является недостатком конкурсного законодательства. Поэтому, строго говоря, в этой ситуации можно анализировать справедливость и соразмерность не как отраслевой принцип, а как актуальную проблему законоприменения. И рассматривать ее шире, чем это делает указанный автор, а именно как проблему справедливости и соразмерности ограничения прав участников конкурсного процесса (имея в виду, конечно, прежде всего кредиторов и должника).

Что понимается под «справедливостью», «соразмерностью» и «пропорциональностью»?

Справедливость означает беспристрастность, соответствие человеческих отношений, законов, порядков морально-этическим, правовым и т.п. нормам, требованиям [8, с. 200—201, 231]. Категория справедливости имманентна нормальному гражданскому обороту, так как в его рамках экономический закон стоимости требует эквивалентного обмена продуктом. Вместе с тем проблема возможной несправедливости в гражданских отношениях может возникнуть при анализе законодательных изъятий из принципа юридического равенства участников гражданских отношений, например, при применении некоторых санкций (штрафной неустойки, возврата задатка в двойном размере).

Соразмерность — это соответствие между чем-либо по размерам, величине, качеству, достоинству, правильное соотношение каких-либо величин, частей, то есть это понятие относится к оценочным категориям. При этом филологи рассматривают пропорциональность в качестве синонима соразмерности [Там же].

Поскольку оптимальный баланс прав и законных интересов основных участников конкурсных отношений как между собой, так и с учетом интересов общества до настоящего времени не достигнут, актуальной является проблема соразмерности, которая, по мнению автора, призвана обеспечить справедливый баланс между публичными и частными интересами.

Соразмерность (пропорциональность) ограничения права конституционно закрепленным целям выступает в качестве критерия ограничения прав человека и гражданина [6; 9, с. 167—169; 10, с. 74—75; 11, с. 71—82; 12]: происходит, по определению В.А. Черепанова, «взвешивание» защищаемых конституционных целей и самого права, подлежащего ограничению ради этих целей [6].

С. Цакиракис формулирует соразмерность (пропорциональность) ограничения права как тест из трех пунктов, с помощью которых оценивают: 1) подходит ли некоторая мера, устанавливающая ограничения прав человека, для достижения той или иной цели; 2) является ли она необходимой для этой цели; 3) не излишне ли она обременяет человека по сравнению с благами, которыми призвана обеспечить [13]. По мнению В.В. Лапаевой, определение соразмерности между степенью ограничения права и защитой указанных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ ценностей означает необходимость: а) выразить эти ценности через соответствующие им права человека, то есть показать, какие именно права человека будут нарушены, если эти конституционные ценности не будут защищены; б) доказать, что эти ценности не могут быть защищены иным путем, не предполагающим ограничения рассматриваемых прав человека [12].

Как известно, в основании производства по делу о несостоятельности (банкротстве) — вероятный конфликт интересов кредиторов и должника как основных участников конкурсных отношений, поэтому прежде всего имеется в виду соразмер-

ность ограничения их субъективных прав. В целях обеспечения экономической стабильности и безопасности общества в целом перед государством стоит задача, с одной стороны, сделать все возможное по сохранению должников, испытывающих временные финансовые трудности, как субъектов права и их предприятий как имущественной основы экономической деятельности, с другой — прекратить деятельность лиц, несостоятельность которых является тормозом для гражданского оборота. Здесь в целях прослеживается, несомненно, публичный интерес, а в постановке и решении конкретных задач — то самое переплетение частных и публичных отношений. Действительно, социальные последствия банкротства частного лица порой не только негативны для него, с позиций экономики они бывают катастрофическими, дорогостоящими для государства, поскольку несостоятельность (банкротство) одного лица нередко приводит к цепочке неплатежей, к систематическому неисполнению обязательств (денежного и натурального характера) вплоть до кризиса на конкретном сегменте рынка. От того, насколько скоординировано управление конкурсным процессом конкретного должника, зависит не только оперативное движение дела о банкротстве, но и в дальнейшем экономическое и социальное положение отдельных регионов и страны в целом, уровень доходов и занятость населения, наполнение бюджетов различных уровней.

С.А. Карелина и В.А. Химичев делают логичный вывод о необходимости законодательных ограничений прав участников с установлением специального режима предъявления и удовлетворения требований кредиторов, не допускающего удовлетворения этих требований в индивидуальном порядке, а также приоритетного положения одной группы кредиторов по отношению к другой. Это представляет собой необходимое условие разрешения конфликта интересов различных субъектов конкурсных отношений [2; 14, с. 145].

Меры по соразмерному ограничению прав и законных интересов кредиторов и должника предусмотрены законодательством о несостоятельности (банкротстве), следовательно, они носят объективный характер, допустимы и по логике должны отражать разумный баланс сталкивающихся ценностей указанных лиц. Вместе с тем в них присутствует элемент субъективности, так как законодатель — это конкретные люди, а есть еще суд и иные правоприменители (например, собрание кредиторов, арбитражный управляющий), важна их мировоззренческая основа.

Справедливым является точка зрения, согласно которой задачей законодателя является создание механизма конкурсно-правовой саморегуляции, предусматривающей четкую и хорошо отлаженную систему сдержек и противовесов [2], сочетание государственного регулирования с развивающейся системой профессионально-корпоративного саморегулирования. Важную роль в государственном регулировании разрешения вопросов установления и контроля ограничения прав лиц, участвующих в деле о несостоятельности (банкротстве), принадлежит решениям арбитражного суда. Например, установление требований кредиторов, проверка обоснованности их требований, введение той или иной процедуры, применяемой в деле, утверждение, освобождение и отстранение арбитражных управляющих, рассмотрение их отчетов и т.д. В целом судебское усмотрение при разбирательстве дел о несостоятельности (банкротстве) является более широким, нежели в исковом производстве (при ограничении состязательных начал), так как суд не только выполняет традиционные полномочия по организации арбитражного процесса, но и осуществляет функции по законному, эффективному и оперативному

проведению процедур, применяемых в деле о несостоятельности (банкротстве). В части принятия необходимых и целесообразных решений, не входящих в компетенцию арбитражного суда, большое значение имеют решения, принимаемые собранием кредиторов, комитетом кредиторов, арбитражным управляющим и саморегулируемой организацией арбитражных управляющих, существенным образом ограничивающие свободу усмотрения отдельных кредиторов.

Финансовый кризис, начавшийся в 2008 году, экономическая ситуация в России, обусловленная политическими событиями 2014 года, негативно повлияли на мотивацию должника исполнять обязательства. Участились случаи неисполнения договоров, как следствие, увеличилось количество судебных дел о взыскании задолженности денежного характера. Налицо расхождение (разъединение) интересов кредитора и должника в достижении той общей первоначальной цели, которая фактически явилась основанием заключения договора.

Поэтому за последние семь лет законодательство о несостоятельности (банкротстве) претерпело кардинальное реформирование, по своему объему и содержанию сопоставимое с новой редакцией Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве). Основная направленность изменений и дополнений — сделать применяемые процедуры более динамичными, воспрепятствовать выводу активов должника. Поэтому прослеживается изменение направленности законодательства о несостоятельности (банкротстве) путем упрощения и ускорения защиты прав участников конкурсного процесса и смещения баланса в сторону защиты интересов кредиторов (например, изменились порядок подачи заявления конкурсным кредитором, порядок утверждения арбитражного управляющего). Почему это произошло? Очевидно, законодатель ориентировался прежде всего не на интересы кредитора, а на решение задач, вытекающих из достижения публичного интереса.

Таким образом, в условиях изменения вектора направленности конкурсного законодательства представляется актуальной проблема юридически равной защищенности прав и законных интересов основных участников — должника и кредиторов. Это тем более важно, потому что выбор способов и средств защиты участники дела о несостоятельности (банкротстве) осуществляют, конечно же, самостоятельно, но не только в рамках возможного (как в отношениях, регулируемых исключительно гражданским законодательством), но и дозволенного конкурсным законодательством поведения.

Ограничение прав должника, не способного удовлетворить денежные требования кредиторов, в какой-то мере объяснимы. Так, определения арбитражного суда о принятии заявления о признании должника банкротом и о введении наблюдения, не являясь окончательными решениями по делу, уже временно ограничивают дееспособность должника, определяя его гражданские права и обязанности (ст. 63 и 64 Закона о банкротстве) [15].

Ст. 7—9 Закона о банкротстве предусматривают подачу такого заявления: 1) конкурсным кредитором или уполномоченным органом; 2) должником как осуществление его права; 3) должником как исполнение обязанности.

Конкурсный кредитор осуществляет предоставленное ему право, основываясь на принципе диспозитивности. В отличие от него для уполномоченного органа это не только право (п. 1 и 2 ст. 7 указанного акта), но и обязанность как реализация возложенной на него публичной функции.

При подаче заявления о своем банкротстве должник фактически ограничен в свободе усмотрения нормами Закона

о банкротстве: он это сделать вправе в предвидении банкротства при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что он не в состоянии будет исполнить денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей в установленный срок. Он обязан подать заявление в интересах защиты прав кредиторов в случаях, предусмотренных ст. 9 указанного акта.

В случае права, предусмотренного ст. 8 Закона о банкротстве, какова цель должника? Очевидно, он подает заявление не потому, что должен («предвидение»), а для того, чтобы в принципе избавиться от долгов (по возможности расплатиться, если невозможно это сделать, то долги по результатам конкурсного производства будут считаться погашенными). То есть для должника на первое место выходит не причина появления денежной задолженности, а цель — освобождение от нее, его «разумный эгоизм». При этом он соединяет свою цель с интересами кредиторов, но, как справедливо отметил Р. Йеринг, «действие в пользу других не превышает силы эгоизма» [1, с. 46]. Каждый из кредиторов, руководствуясь исключительно частным интересом, наверное, не имеет в виду цель кооперации с иными участниками конкурсных отношений, но совпадение интересов в поиске выхода из сложившейся конфликтной ситуации приводит к тому, что все кредиторы в конечном итоге содействуют достижению цели должника.

В дальнейшем ограничения дееспособности должника выражаются в последствиях введения той или иной очередной процедуры (ст. 64, 81—83, 94, 99, 101, 102, 104, 109—115, 126, 129 Закона о банкротстве).

Закон предусмотрел некоторые ограничения одновременно как для кредиторов, так и в отношении должника. Например, это проявляется в регламентации особого режима прекращения денежного обязательства путем предоставления отступного (п. 1 ст. 81 Закона о банкротстве), недопущении по общему правилу зачета встречного однородного требования (п. 1 ст. 63, п. 1 ст. 81 того же акта) и др.

Раскроем далее некоторые элементы статуса кредиторов и отметим проявление ограничения их прав.

Как известно, действующее законодательство о несостоятельности (банкротстве) устанавливает, что до обращения с заявлением об инициировании дела о банкротстве конкурсный кредитор, а также уполномоченный орган по денежным обязательствам должны начать с искового производства (п. 3 ст. 6 Закона о банкротстве: право на обращение в арбитражный суд возникает у них с даты вступления в законную силу решения суда, арбитражного суда или третейского суда о взыскании с должника денежных средств. Это положение, безусловно, направлено на ускорение судебного разбирательства дела о банкротстве, поскольку исключена ранее существовавшая обязанность кредитора по денежному обязательству по предъявлению исполнительного документа к исполнению в службу судебных приставов и направлению его копии должнику, исполнение которой являлось условием для обращения с заявлением о признании должника банкротом. В этом видится особый процедурно-правовой режим предъявления требований, который вводится при рассмотрении арбитражным судом дела о банкротстве [16].

Основываясь на началах диспозитивности, лицо, которое, как известно, впоследствии приобретает статус конкурсного кредитора, вправе по собственному усмотрению распоряжаться своими материальными и процессуальными правами и прежде всего может обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом. Такой документ представляет собой средство защиты субъективного права заявителя.

Такое же право предоставлено уполномоченному органу, но одновременно это является его обязанностью, поскольку данное лицо выполняет при этом возложенную на него функцию защиты публичных интересов.

Конкурсное законодательство не допускает по общему правилу предъявление (а в дальнейшем и удовлетворение) требований кредиторов в индивидуальном порядке. С даты вынесения арбитражным судом определения о введении наблюдения требования кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, за исключением текущих платежей, могут быть предъявлены к должнику только с соблюдением порядка предъявления требований к должнику, установленного Законом о банкротстве. В дальнейшем все юридические действия в отношении должника от имени кредиторов (реально — от имени конкурсных кредиторов и уполномоченных органов) осуществляются прежде всего собранием кредиторов.

Это положение закона формально ограничивает закрепленное в ст. 307 ГК РФ гражданское право кредитора требовать от должника исполнения обязанности уплатить обусловленную денежную сумму. Однако, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, установление особого режима удовлетворения имущественных требований к несостоятельному должнику, не допускающего удовлетворение этих требований в индивидуальном порядке, позволяет обеспечивать определенность объема его имущества в течение всего рассмотрения дела о банкротстве (всех процедур), создавая необходимые условия как для принятия мер к преодолению неплатежеспособности должника, так и для возможно более полного удовлетворения требований всех кредиторов, что, по существу, направлено на предоставление им равных правовых возможностей при реализации экономических интересов, в том числе когда имущества должника недостаточно для справедливого его распределения между кредиторами; при столкновении законных интересов кредиторов в процессе конкурсного производства решается задача пропорционального распределения среди кредиторов конкурсной массы [17].

Таким образом, Конституционный Суд РФ сформулировал вывод о необходимости, целесообразности и допустимости данной меры в ее связи с целями конкурсного процесса, соразмерности ограничения прав кредиторов по сравнению с благами, которые эта мера призвана обеспечить. Такой законодательный подход формального ограничения имущественных прав кредиторов направлен на реальное оптимальное обеспечение этих прав.

Не являясь по своей правовой природе иском, производство по делу о несостоятельности (банкротстве) предусматривает ограничения на формирование воли участвующих в нем лиц, в частности кредиторов-заявителей. Так, руководствуясь ст. 49 Арбитражного процессуального кодекса РФ, истец вправе в дальнейшем увеличить размер своих требований. Кредитор-заявитель тоже вправе это сделать, но в строго определенных временных рамках и в порядке, предусмотренных ст. 71 и 100 Закона о банкротстве, с учетом возможных неблагоприятных для себя последствий, установленных п. 4 ст. 142 того же акта. Логика законодателя очевидна. Например, установление размера требований кредиторов на стадии наблюдения в первую очередь необходимо для определения количества голосов каждого участника первого собрания кредиторов, которое должно состояться не позднее чем за десять дней до окончания наблюдения (ст. 72 указанного закона). Актуальны правила п. 2 и 2.1 ст. 100 указанного закона, в соответствии с которыми установлена обязанность внешнего

управляющего уведомить представителя учредителей (участников) должника или представителя собственника имущества должника — унитарного предприятия, а также кредиторов, требования которых уже включены в реестр требований кредиторов, о получении новых кредиторских требований и предоставить указанным лицам возможность ознакомиться с поступившими требованиями и прилагаемыми к ним документами. Данная функция внешнего управляющего направлена на установление дополнительных гарантий для лиц, участвующих в деле о банкротстве, и реализации ими предусмотренных законом процессуальных прав.

В рамках производства по делу о несостоятельности (банкротстве) имеет место также конкуренция интересов кредиторов, складывающаяся, как известно, в связи с недостаточностью имущества должника для погашения требований в полном объеме. С одной стороны, у каждого кредитора свой частный имущественный интерес, а с другой — все кредиторы могут получить удовлетворение только за счет единой конкурсной массы должника.

В этой связи следует говорить о двух группах отношений:

- 1) складывающихся между кредиторами одной очереди;
- 2) кредиторами разных очередей.

Здесь наблюдаются, с одной стороны, проявления единства защиты прав и законных интересов всех кредиторов, а с другой стороны — приоритетность прав и законных интересов отдельных категорий кредиторов [2].

Кредиторы одной очереди в целом находятся в равном юридическом положении. Это, в частности, проявляется в том, что конкурсный процесс возбуждается по инициативе отдельного лица (лиц), а продолжается при материальном и процессуальном правовом равенстве всех кредиторов определенной очереди.

Однако такое равновесие может быть нарушено. Например, в соответствии с п. 1 ст. 63 Закона о банкротстве по ходатайству кредитора приостанавливается производство по делам, связанным с взысканием с должника денежных средств, что может породить конфликт интересов кредиторов одной очереди. В дальнейшем кредитор вправе предъявить свои требования к должнику, но уже в порядке, установленном указанным законом. Очевидно, что данное правило направлено на исключение возможности удовлетворения требований одного кредитора в ущерб требованиям других кредиторов.

Решение основных вопросов на собрании кредиторов принимается большинством голосов по сумме требований, то есть такое решение, конечно, предусматривает учет интересов мелких кредиторов, однако у кредиторов со значительным объемом требований большие возможности определять юридическую судьбу должника. Конституционный Суд РФ по этому поводу разъяснил, что принятие решения таким способом является демократической процедурой, не противоречащей принципу равенства участников гражданских правоотношений, и проявлением конституционного принципа равноправия [18]. Очевидно, чем больше объем требований кредиторов, тем они более заинтересованы в юридической судьбе должника.

Удовлетворение требований кредиторов одной очереди в целом урегулированы Законом о банкротстве в ст. 134—138. Процедуры, применяемые в деле о банкротстве, носят публично-правовой характер, они предполагают принуждение меньшинства кредиторов большинством [Там же]. В литературе выработано понятие дистрибутивной активности, под которой имеется в виду распределение полномочий (благ) в зависимости от суммы требований к должнику [2]. Признак пропорциональности и соразмерности удовлетворения требований

кредиторов имманентен именно конкурсному процессу, поскольку в нормальном гражданском обороте действуют иные начала (наступление срока исполнения обязательства, предъявление требования конкретным кредитором с добровольным исполнением обязательства должником и т. д.). В конкурсном процессе удовлетворение денежных требований кредиторов к должнику в рамках одной очереди является не только соразмерным ограничением, но и обязательным условием, исключающим не основанное на законе предпочтение в очередности удовлетворения одинаковых по своей природе требований одних кредиторов перед другими, и соответствует положению ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации.

Среди конкурсных кредиторов особым статусом обладают кредиторы по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника (далее — залоговые кредиторы). Справедливо указывается на конфликт их интересов (быстрее продать предмет залога и незаинтересованность в реабилитационных процедурах) с «сонаправленным» интересом незалоговых конкурсных кредиторов (максимально увеличить выручку от продажи всего имущества должника) [19]. Как известно, в соответствии со ст. 18 Закона о банкротстве такой кредитор в ходе финансового оздоровления и внешнего управления имеет свободу выбора своего поведения: он по общему правилу вправе в судебном порядке обратиться с взысканием на заложенное имущество должника либо может направить арбитражному управляющему и в арбитражный суд заявление об отказе от реализации предмета залога (в этом случае он имеет право голоса на собрании кредиторов до завершения соответствующей процедуры, применяемой в деле о банкротстве). При продаже предмета залога в ходе конкурсного производства также установлен приоритет удовлетворения требований залогового кредитора перед иными кредиторами (ст. 138 Закона о банкротстве).

Таким образом, такой кредитор, имея иные возможности для удовлетворения своих требований, но отказавшись от них на период проведения финансового оздоровления и внешнего управления, в состоянии блокировать решение собрания кредиторов, ограничивая этим возможности удовлетворения «сонаправленного» интереса остальных участников собрания кредиторов. Формально налицо приоритет правомерного осуществления частного интереса, соответствие положениям гражданского законодательства о залоге как способе обеспечения исполнения обязательства. Проблема же состоит в обеспечении охраны прав и законных интересов иных конкурсных кредиторов, а также должника от возможного злоупотребления правом со стороны залогового кредитора.

Аналогичный конфликт интересов тех же лиц может произойти на этапе принятия решения собранием кредиторов о заключении мирового соглашения: согласно п. 2 ст. 150 Закона о банкротстве оно принимается большинством голосов от общего числа голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов в соответствии с реестром требований кредиторов, но при условии, что за него проголосовали все залоговые кредиторы (то есть еще может возникнуть конфликт между интересами отдельных таких кредиторов). В связи с этим Е. Д. Суворов логично предлагает арбитражному суду «руководствоваться общественным интересом в сохранении потенциально платежеспособных бизнесов» [Там же].

Что касается соразмерности ограничений прав кредиторов разных очередей, то здесь важно избежать неоправданных преимуществ в пользу определенной группы кредиторов.

Обратим внимание на различный объем и качество ограничений кредиторов, установленные Законом о банкротстве:

одни ограничения у конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, другие — у так называемых «неконкурсных», то есть иных. Как это связано с целями ограничений? Очевидно, напрямую с «защитой прав и законных интересов других лиц», а также с «обеспечением обороны страны и безопасности государства» в отношении уполномоченных органов.

У «неконкурсных» кредиторов значительно более высокая степень вероятности получения должного в сравнении с конкурсными кредиторами (кредиторами третьей очереди). Есть у них и иные преимущества. Например, в соответствии с п. 1 ст. 63 Закона о банкротстве с даты вынесения арбитражным судом определения о введении наблюдения только на кредиторов третьей очереди распространяется правило о приостановлении исполнительных документов по имущественным взысканиям, в том числе о снятии арестов на имущество должника и иные ограничения в части распоряжения имуществом должника, наложенные в ходе исполнительного производства. Другое преимущество: в процедуре внешнего управления действия моратория, как известно, не распространяются на требования кредиторов первой и второй очередей.

Данное установленное законодательством положение следует именовать как приоритетность прав и законных интересов отдельных категорий кредиторов и рассматривать как изъятие из принципа юридического равенства участников гражданских отношений (тем более в определенных случаях это трудовые, налоговые или иные отношения). Таким образом законодатель охраняет интересы тех категорий кредиторов, которые более всего нуждаются в защите: кредиторов по текущим платежам, граждан, перед которыми должник несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, компенсации морального вреда, компенсации сверх возмещения вреда, по выплате выходных пособий и оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и по выплате вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности.

В свою очередь, конкурсные кредиторы и уполномоченные органы как кредиторы третьей очереди наделены большим, нежели «неконкурсные» кредиторы, объемом правомочий: во-первых, вправе обращаться в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом; во-вторых, являются участниками собрания кредиторов с правом голоса; в-третьих, являются лицами, участвующими в деле о банкротстве.

Все это порождает проблемы справедливости и соразмерности способов и средств охраны прав и законных интересов конкурсных и «неконкурсных» кредиторов. С одной стороны, такая охрана основана на принципе диспозитивности участников, а с другой — они ограничены Законом о банкротстве в использовании средств и способов.

Таким образом, справедливость и соразмерность ограничения прав участников конкурсных отношений как отраслевой принцип законодательства о несостоятельности (банкротстве) текстуально не закреплен в отдельной статье Закона о банкротстве или какого-либо иного закона. Его устанавливают из содержания норм, содержащихся в различных статьях Закона о несостоятельности (банкротстве). Конечно, трактовка его содержания отражает объективно сложившиеся закономерности развития общества, состояние экономики, вытекают из содержания социально-экономической политики государства. Однако формально сейчас это не принцип отрасли законодательства, а актуальная проблема, решаемая реализацией совокупности правовых норм. О том, что это действительно проблема, свидетельствует оценка независимых экспертов:

в международном рейтинге Doing Business — 2015 Россия занимает 65-е место по показателю «Механизмы процедуры банкротства» среди 189 стран (год назад — 55-е место) [20]. Целесообразно закрепить соразмерность и справедливость

ограничения прав лиц, участвующих в деле о банкротстве, прежде всего конкурсных кредиторов, уполномоченных органов и должника, в качестве принципа конкурсного законодательства, например, дополнением ст. 34 новым п. 3.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Йеринг Р. Фон. Избранные труды. Самара, 2003. 520 с.
2. Карелина С. А. Принципы правового регулирования отношений, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством) должника // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950 года) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3. С. 3—44.
4. По делу о проверке конституционности положений частей 3 и 10 статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и пункта 3 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. В. Дубкова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2013 года № 15-П. П. 4 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].
5. Сергеев А. М. Методологические основы и концептуальные положения конституционной экономики // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].
6. Черепанов В. А. О проекте Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 105—110.
7. Мнение Судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиева по Определению Конституционного Суда РФ от 24 января 2013 года № 119-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рабиновича Владимира Борисовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 27 Земельного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].
8. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 4. М., 1981. 794 с.
9. Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2003. 528 с.
10. Конституционное законодательство России / под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 1999. 382 с.
11. Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М., 2004. 286 с.
12. Лапаева В. В. Критерии ограничения прав человека и гражданина в Конституции Российской Федерации // Государство и право. 2013. № 2. С. 15.
13. Цакиракис С. Пропорциональность: посягательство на права человека? // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2. С. 47—66.
14. Химичев В. Защита прав кредиторов при банкротстве. М., 2005. 240 с.
15. По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», касающихся возможности обжалования определений, выносимых арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций», а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц: Определение Конституционного Суда РФ от 12 марта 2001 года № 4-П. П. 2 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].
16. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Правительства Москвы о проверке конституционности абзаца девятого статьи 2 и пункта 3 статьи 29 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2003 года № 455-О // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].
17. По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 года № 1-П. П. 4 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].
18. По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций», пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами граждан, жалобой региональной общественной организации «Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков» и жалобой ОАО «Воронежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств»: Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июля 2002 года № 14-П // Собрание законодательства РФ. 2002. № 31. Ст. 3161.
19. Суворов Е. Д. Потенциальные конфликты между залоговыми и иными кредиторами при банкротстве должника: попытка установления баланса // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 10. С. 16—25.
20. Шадрин Т. Закачаешься // Российская газета. 2014. 30 октября.

REFERENCES

1. Yering R. Von. Selected works. Samara, 2003. 520 p.
2. Karelin S. A. Principles of legal regulation of relations arising in connection with insolvency (bankruptcy) of the debtor // ConsultantPlus [Electronic resource].

3. Convention for protection of human rights and fundamental freedoms (Made in Rome on 04.11.1950) // *Bulletin of international treaties*. 2001. № 3. P. 3—44.
4. On the case of verification of constitutionality of the provisions of parts 3 and 10 of article 40 of the Federal law «On General principles of arrangement of local self-government in the Russian Federation» and paragraph 3 of part one of article 83 of the Labor Code of the Russian Federation in connection with complaint of A. V. Dubkov: decree of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 27, 2013 № 15-P. P. 4 // *ConsultantPlus* [Electronic resource].
5. Sergeev A. M. Methodological foundations and conceptual provisions of the constitutional economics // *ConsultantPlus* [Electronic resource].
6. Cherepanov V. A. Draft of the Federal law «On regulatory legal enactments in the Russian Federation» // *Journal of Russian law*. 2014. № 3. P. 105—110.
7. The opinion of the judges of the constitutional Court of the Russian Federation, A. Hajiyev, by Definition, the constitutional Court of the Russian Federation dated January 24, 2013 № 119 «About refusal in admission for consideration of the complaint of the citizen Rabinovich Vladimir Borisovich violation of his constitutional rights by the provisions of article 27 of the Land code of the Russian Federation» // *ConsultantPlus* [Electronic resource].
8. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / Academy of sciences of the USSR, Institute of the Russian language; ed. by A. P. Evgenieva. V. 4. M., 1981. 794 p.
9. Lazarev L. C. Legal positions of the constitutional Court of Russia. M., 2003. 528 p.
10. The constitutional legislation of the Russian Federation / under the editorship of Yu. A. Tikhomirov. M., 1999. 382 p.
11. Gadzhiev G. A. Constitutional principles of the market economy (Development of fundamentals of the civil law in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation). M., 2004. 286 p.
12. Lapaeva V. V. Criteria of limiting the rights of man and citizen in the Constitution of the Russian Federation // *State and law*. 2013. № 2. P. 15.
13. Zacharakis C. Proportionality: an assault on human rights? // *Comparative constitutional review*. 2011. № 2. P. 47—66.
14. Khimichev V. Protection of the rights of creditors in bankruptcy cases. M., 2005. 240 p.
15. On the case of verification of constitutionality of certain provisions of the Federal law «On insolvency (bankruptcy)» concerning the possibility of appeals against determinations made by the arbitration court of bankruptcy, and other provisions. article 49 of the Federal law «On insolvency (bankruptcy) of credit organizations», as well as articles 106, 160, 179 and 191 of the Arbitration procedural code of the Russian Federation in connection with the request of the Arbitration court of Chelyabinsk region, the complaints of citizens and legal entities: definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 12, 2001, № 4-P. P. 2 // *SPS ConsultantPlus* [Electronic resource].
16. On refusal in admission for consideration of the request of the government of Moscow for verification of constitutionality of the ninth paragraph of article 2 and paragraph 3 of article 29 of the Federal law «On insolvency (bankruptcy)»: decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 25, 2003, № 455 // *ConsultantPlus* [Electronic resource].
17. On the case of verification of constitutionality of the provisions of parts first, third and ninth of article 115, paragraph 2 of article 208 of the Criminal procedure code of the Russian Federation and the ninth paragraph of paragraph 1 of article 126 of the Federal law ‘On bankruptcy (bankruptcy)’ in connection with complaints of the closed joint-stock company «Real estate-M», limited liability company Solomatinskoye grain-collecting company, and the citizen L. I. Kostarelova: decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 31, 2011, № 1-P. P. 4 // *ConsultantPlus* [Electronic resource].
18. On the case of verification of constitutionality of certain provisions of the Federal law «On restructuring of credit institutions», paragraphs 5 and 6 of article 120 of the Federal law «On insolvency (bankruptcy)» in connection with complaints, the complaint of the regional public organization «Association for protection of the rights of shareholders and depositors», and the complaint of JSC «Voronezh design bureau of antenna-feeder devices»: decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 22, 2002 № 14-P // *Collection of the RF legislation*. 2002. № 31. Art. 3161.
19. Suvorov D. E. Potential conflicts between security and other creditors during the debtor’s bankruptcy: attempt to establish a balance // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2013. № 10. P. 16—25.
20. Shadrina T. It rocks! // *Russian newspaper*. October 30, 2014.